

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения

ИСЛАМ

на территории
бывшей
Российской
империи

Энциклопедический
словарь

Выпуск 3

Москва

Издательская фирма «Восточная литература» РАН

2001

Впоследствии от Г. отделились два дочерних братства — сезайе (основатель — Хасан Сезай, ум. в 1738 г.) и халетийе (основатель — Хасан Халети б. 'Али ал-А'ла, ум. в 1911 г.).

Лит-ра: *Али Хилми ад-Дагистани*. Фихрист ал-кутуб ат-туркия ал-мауджуда фи-л-кутубханат ал-Хидивийа. Каир, 1306/1888, 335; *Н.Э.Алескорова*. Сведения о суфийском тарикате Гюлшанийа в сочинениях Мухйи Гюлшани «Манакиб-и Ибрахим-и Гюлшани» и Шемлели-заде Ахмада Эфенди «Шиве-и тарикат-и Гюлшанийа» // *Ислам арашдырмалары*, VII бурахылыш. Баку, 1996 (на азерб. яз.); *С.Эрайдын*. Тасавуф ве тарикатлар. Истанбул, 1990, 467–468 (на тур. яз.); см. также лит-ру к ст. Гюлшани.

Н. А.

Дана-ата — святилище на территории Балханского велаята (области), в 110 км к северо-востоку от Небит-Дага, в одном из горных ущелий Большого Балхана, в 10 км южнее селения Ак-Куи. Святилище обследовалось нами в 1957, 1967 и 1970 гг. В тот период оно представляло собой поврежденный временем каменно-кирпичный средневековый мавзолей-гробницу (в форме шести- или семигранника) с пятью большими нишами и входом с восточной стороны. С юга к нему примыкала состоявшая из двух комнат полуразрушенная пристройка из дикого камня, значительно более позднего времени, которая, очевидно, служила жильем для смотрителя, а может быть, помещением для приема паломников и их ночных (во сне) «общений» со «святыми». На албастровой штукатурке внутри святилища — контурные рисунки горного козла и человеческой кисти с пятью растопыренными пальцами, имеющие, возможно, магическое значение, а также несколько надписей. Все они относятся к XX в. Наиболее старая, арабской графикой — 1343/1924 г. (текст не поддается прочтению), остальные, на туркменском языке латиницей и кириллицей (1939, 1962, 1965 и 1967 гг.), — типичные «автографы» туристов. В одной из ниш — старинный ритуальный шестиконечный светильник (*чыра*) и несколько пар рогов диких баранов. В углу к шести были привязаны вотивные тряпочки.

Вокруг мавзолея на двух каменистых холмах раскинулось средневековое кладбище, а левее — остатки большого поселения. В неширокой ложбине — старинный колодец и выложенный камнем источник, а также огромное сухое дерево, выросшее, по легенде, из посоха (*хаса*, араб. 'аса) самого Д.-а. При посещении святилища в 1957 и 1967 г. дерево представлялось давно полностью высохшим, а в 1970 г. одно из его основных ответвлений неожиданно зазеленело, что было расценено верующими как очередное чудо «святого».

Согласно легендам, сопоставительному эпиграфическому материалу окрестного кладбища и сохранившемуся тексту Огуз-наме (стихотворное изложение истории предков туркмен — огузов, принадлежащее перу Д.-а.), личность «святого» вырисовывается следующим образом. Он жил во второй половине XV — первой половине XVI в.,

в народной традиции известен лишь под почетным прозвищем Дана-ата («Мудрый отец/дед, предок»). Это прозвище «святой» суфий получил после того, как поведал Огуз-наме всему Союхановскому (т.е. туркменскому) народу. В Огуз-наме он называет свое подлинное имя — Ахсан-шайх и место обитания — Балханы, подчеркивая, что дед его был *пиром*. Персидский посланник Риза-Кули-хан, который в 1851 г. останавливался с караваном по пути в Хиву у источника Д.-а., отметил, что среди тюрков и туркмен тюркские *шайхи*, одним из которых был Д.-а., пользуются высоким авторитетом. Следует добавить, что Д.-а. был и весьма богатым человеком. Легенды упоминают его многочисленные стада и табуны, которые перегоняли на летние пастбища вплоть до реки Гюрген.

Все перечисленное выше подняло авторитет *шайха* на небывалую высоту. После смерти у его гробницы обособовалась группа зрителей, состоявшая, очевидно, из родственников «святого», его учеников и последователей. По роду своего занятия она получила название *мюджевор* («смотритель») и составила одну из шести так называемых святых групп *овлад* (араб. *аулад* — «дети», «потомки») у туркмен. В начале XVIII в. *мюджеворы* в силу определенных обстоятельств переселились с Балхан на север, в пределы Хивинского ханства (Тахтинский *этрап*), а оттуда позднее большая их часть ушла на юго-восток — в Мервский оазис.

К гробнице Д.-а., которая ныне, с подъемом религиозного строительства, очевидно, отремонтирована, совершают паломничество жители прибалханских селений и выходцы из группы *мюджеворов* Тахтинского *этрапа* (района) Ташаузского велаята (области) Туркменистана.

В 80 км южнее, у подножия Кюрен-Дага на территории Казанджикского *этрапа* имеется еще одно святилище с названием Д.-а. Позднее так стали именовать и расположенное рядом большое селение Даната. По одной версии считается, что там «святой» ночевал, по другой — был убит, но похоронен на Балхане. Гробница отсутствует. Имеется имитация могилы. Паломники — жители Даната.

Лит-ра: *А.Н.Самойлович*. Один из списков «Родословного древа туркменского» // Доклады АН СССР. Л., 1927, № 2, 39–40; Отчет о посольстве в Хорезм Риза-Кули-хана // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II. М.–Л., 1938, 285; *Демидов*. Туркменские овлады, 159–168.

С. Дем.

Джуйбари, х'аджа Ислам (ум. в 1563 г.) — основатель клана джуйбарских *шайхов*, возглавивших бухарскую ветвь братства накшбандийа. После смерти Махдум-и А'зама (ум. в 1542 г.) — руководителя братства и своего учителя — х'аджа Ислам в ожесточенных спорах и столкновениях с другим преемником *шайха* — маулана Лутф Аллахом Чустии узурпировал руководство бухарскими братьями х'аджаган/накшбандийа. Все это способствовало усилению влияния джуйбарских *шайхов*, в семье которых

прочно установилось правило передачи руководства братством старшему потомку. *Х'аджа* Ислам положил начало и самому обширному частному хозяйству того времени; основная часть имущества также передавалась только старшему в роду (по закону майората) с ущемлением прав остальных наследников. Подобная практика вызывала крайне негативную реакцию некоторых бухарских *'улама'*, усматривавших в этом отступление от прямых предписаний Корана (4:175/176) и норм *фикха*. Однако джуйбарские *шайхи*, прибегая к помощи правителя, по приказу которого *кади* или *шайх ал-ислам* выносил соответствующее решение, добивались признания законности своих действий.

В 1557 г. *х'аджа* Ислам сумел привести к власти в Бухаре своего *мурида* 'Абд-Аллах-хана II (легитимно правил в 1583–1598 гг.). Некоторое время спустя по приказу последнего жилые и хозяйственные постройки джуйбарских *шайхов*, примыкавшие с юго-запада к Бухаре, были обнесены крепостной стеной и включены в территорию города; по названию этого района — Джуйбар и получили свою родовую *нисбу* джуйбарские *шайхи*. Преемники и наследники *х'аджа* Ислама — *х'аджа* Са'д (ум. в 1589 г.), Тадж ад-дин (ум. в 1646 г.) и их потомки оказывали значительное влияние на последних Шибанидов (1600–1603) и первых Аштарханидов (Джанидов, 1603–1657), используя его для получения солидных дарений от правителей в виде недвижимости, денег и т.д. Другим источником обогащения рода была караванная торговля. Так, караваны *х'аджи* Са'да ходили в Кашгар, «Казахстанские земли», Казань и даже Москву, правитель которой, как утверждается в биографиях джуйбарских *шайхов*, всячески приветствовал стремление «великого *х'аджи*» к установлению торговых и политических контактов.

Опыт предшествующих «святых» семейств (например, потомков *сайида* Ата, *х'аджи* Ахра) подказывал, что их статус и авторитет опирались на легитимность родословной, восходящей к знаменитому и непреложному духовному авторитету, а через него — к семье Пророка или к первым *халифам* и *асхабам*. Наличие такой родословной открывало им путь к освобождению от налогов и служило определенной гарантией их неприкосновенности, а также давало право занимать некоторые саййидские должности при дворе. Приведенные в биографических источниках варианты саййидской родословной *х'аджи* Ислама не выдерживают критики, тем не менее биографам джуйбарских *шайхов* удалось убедить общественное мнение в ее достоверности. Кроме того, джуйбарские *шайхи* старались установить родственные связи с другими авторитетными семействами (например, с потомками Махдум-и А'зама, йасавийского *шайха* Касим-*шайх* Карминаги) и с представителями правящих династий. И все же они уступали в легитимности древним родам, в частности роду *сайида* Ата. При распределении саййидских чинов *сайид-атаидам* отдавали предпочтение перед джуйбарскими *шайхами*, не имевшими древнего письменного

подтверждения своего происхождения от потомков Пророка, хотя их и признавали *х'аджами*.

Политическая активность, стремление приумножить семейное достояние и прочие мирские заботы отдалили джуйбарских *шайхов* от мистической и ритуальной практики; в свои *ханака* они стали назначать *сар-халка* («глава кружка»), которые и занимались обучением *талибов*. Последние формально оставались *муридами* кого-нибудь из джуйбарских *шайхов*, но редко кому из них удавалось даже просто вступить в контакт со своими *муридами*. Правда, уже сын и наследник Тадж ад-дина — Мухаммад Йусуф (ум. в 1651 г.) старался избегать мирских дел, предпочитая дворцовым приемам (на которых обязательно должны были присутствовать джуйбарские *шайхи*) мистическое уединение и занятия *зикром*. В таком же духе он воспитал своего сына и преемника Мухаммад Йа'куба (ум. в 1679 г.), который отказался от установленного в семье правила майората и, согласно нормам *'илм ал-фара'ид*, разделил доставшееся ему родовое состояние между братьями и ближайшими родственниками.

Экономическое могущество позволяло джуйбарским *шайхам* заниматься и орошением заброшенных земель, строительством, благоустройством, благотворительностью (в частности, они устраивали бесплатное кормление нуждающихся). На их средства в Мавараннахре и Хорасане было возведено около ста различных зданий и сооружений (мечети, *мадраса*, мосты, бани, караван-сарай), десятки других отреставрированы. Еще в XIX в. в *мадраса* Бухары, находившихся на содержании джуйбарских *шайхов*, сохранялась самая высокая плата студентам, *мударрисам* и обслуживающему персоналу.

Лит-ра: Мир Мухаммад-Хусайн б. мир Хасан ас-Сарахси ал-Хусайни. Са'дийа // Рук. ИВ АН РУз, 1, № 1439, 2^а–6^б; Бадр ад-дин б. 'Абд ас-Салам ал-Хусайни ал-Кашмири. Раудат ар-ридван ва-хадикат ал-гилман // Рук. ИВ АН РУз, № 2094; Абу-л-'Аббас Мухаммад-Талиб б. Тадж ад-дин Хасан Джуйбари. Матлаб ат-талибин // Рук. ИВ АН РУз, № 80; Ан-Джекинсон. Путешествие в Хиву и Бухару. Путешествие в Среднюю Азию 1558–1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Пер. с англ. Ю.В.Готье. Л., 1937, 182–183; Н.Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, 62, 190; В.Л.Вяткин. Шейхи Джуйбари. Ходжа Ислам // Бартольд, 3–19; П.П.Иванов. Хозяйство Джуйбарских шейхов (к истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI–XVII вв.). М.–Л., 1954, 3–27; Б.А.Ахмедов. Роль Джуйбарских ходжей в общественно-политической жизни Средней Азии XVI–XVII веков // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985, 16–31. De Weese. Islamization, 392–396, табл. 5.2, 386–387; R.D.McChesney. Central Asia: Foundations of Change. Princeton, New Jersey, 1994, 109–115; Б.Бабаджанов. Архитектурные памятники в письменных и исторических источниках (о строительной деятельности Джуйбаридов) // Архитектура и строительство Узбекистана. Таш., 1991, № 6, 8–10; J.Paul. La propriété foncière des sheykhs Juybari // САС. 1997, № 3–4, 183–202; B.Babadjanov. Mawlana Lutfallah Chusti (в печ.); B.Babadjanov, M.Szuppe. Les inscriptions persanes

de Char Bakr, nécropole familiale des khwaja Juibary près de Boukhara (в печ.).

Б. Б., М. Ш.

Джума (араб. *джум'а* — «пятница», отсюда *масджид ал-джум'а*, или *ал-масджид ал-джами'*) — соборная мечеть (в обиходе Джума-мечеть) в Дербенте, один из наиболее важных в историко-культурном отношении культовых памятников ислама на Кавказе. Исследователи считают эту мечеть самой древней на территории бывшей Российской империи. Мечеть расположена у главной площади старого Дербента (Майдан ал-Баб), в верхней части *шахрастана*, в районе проживания местной знати. К ней ведет улица, начинающаяся от центральных ворот города (араб. Баб ал-хадид, тюрк. Орта-капы). Источники упоминают о фонтане перед соборной мечетью и большом рынке на примыкавшей к ней площади.

Дж. — это целый архитектурный ансамбль, состоящий из собственно мечети, *мадраса* и жилых построек для служителей мечети. Основу комплекса составляет здание мечети — прямоугольное в плане сооружение больших размеров (68×28 м) с выступом в центральной части южного фасада. Трехнефный зал, вытянутый в направлении восток—запад, имеет прямоугольную форму. Его внутренние размеры, согласно обмерам С.О.Хан-Магомедова, — 67×17 м. Ширина среднего, основного нефа — 6,3 м, а боковых нефов — по 6 м. Расстояние между квадратными в плане колоннами — 2,4 м. В поперечном направлении колонны связаны стрельчатыми арками. Центральный вход, расположенный посередине северного фасада, ведет в квадратный в плане центральный зал со стрельчатым куполом, орнаментированным растительным узором. Интерьер зала оформлен пилястрами и другими архитектурными элементами.

В суфийской энциклопедии рубежа XI–XII вв. «Райхан ал-хака'ик ва-бустан ад-дака'ик» Абу Бакра ад-Дарбанди зафиксировано историческое название Дж. — Масджид ал-Баб. Соборная мечеть упоминается в Дарбанд-наме и других средневековых исторических источниках как памятник, построенный в середине VIII в. арабским полководцем Масламой, вытеснившим из города хазар.

Относительно происхождения Дж. существуют две точки зрения. Большинство исследователей считает, что в основе здания мечети лежит христианский храм (базилика), который обслуживал духовные запросы местного албанского населения, греков и сирийцев. В середине VIII в. арабы переделали храм в мечеть, причем без кардинальных изменений. И.Н.Березин зафиксировал христианские предания о принадлежности этого здания «нашей» религии. А.А.Кудрявцев обнаружил в нем конструктивные особенности христианской культовой архитектуры, и это обстоятельство, по его мнению, объясняет типологическое сходство сооружения с христианской базиликой. Против общепринятой точки зрения выступает С.О.Хан-Магомедов,

утверждающий, что Дж. не перестраивалась, а изначально строилась как мечеть. Он, в частности, аргументирует свою точку зрения особенностями кладки нижних частей мечети.

Современная Дж. существенно отличается от сооружений периода арабо-хазарских войн. Дербент многократно подвергался разрушениям, и мечеть не раз перестраивалась. С.О.Хан-Магомедов признает, что объемно-пространственная композиция нынешней Дж. сложилась в основном в XIV в. Возможно, от эпохи Масламы сохранился лишь фундамент: топография центральной части города, в районе плотной застройки, не могла меняться произвольно, поэтому и сохранилось первоначальное ориентирование. Однако при генеральной реконструкции строители могли повторить в Дж. конструктивные элементы наиболее известных в ту эпоху мечетей.

В архитектурном отношении Дж. скорее всего напоминает культовые сооружения XI–XII вв. Это означает, что реконструкция ее была осуществлена в эпоху классического ислама, возможно даже при Сельджукидах, тем более что в последней четверти XI в. в Дербенте происходит смена правящих династий, строятся новые учебные заведения, суфийские обители, караван-сарай, создаются оригинальные сочинения местной исторической и богословской литературы.

Изучение мусульманской архитектуры X–XII вв. показывает, что фасад Дж. очень близко повторяют два некогда знаменитых исторических памятника Каира: мечеть ал-Хакима и мечеть Бейбарса. Строительство пятничной мечети, получившей имя фатимидского *халифа* ал-Хакима (ум. в 1021 г.), разрушено еще при его предшественнике, *халифе* ал-'Азизе (ум. в 996 г.), а ал-Хахим торжественно открыл ее в 1013 г. Центральный вход уравновешен двумя дополнительными входами с каждой стороны и небольшими *минаретами* по краям. Согласно реконструкции К.Кресвелла, *минареты* были частью и продолжением фасадной стены, выдвинутыми ровно на столько же, сколько и портал центральных дверей. Небольшие по размерам оконные проемы характерной формы, расположенные на равном удалении друг от друга чуть выше уровня дверей фасада, почти полностью повторяются в архитектуре Дж.

Мечеть Бейбарса, построенная мамлюкским султаном в 1267–1269 гг., после отражения нашествия монголов, повторяет архитектурные особенности фасадной части Дж. в еще большей степени, за исключением того, что помимо центральных нет других дверных проемов. Окна находятся на том же уровне. Кладка стены мечети напоминает подпорную стену Дж. (облицована мраморными плитами в середине 1990-х гг.). Над уровнем портала сооружение продолжается в том месте, где у дербентской мечети расположен большой свод. С двух торцевых сторон сооружения возвышаются башни-*минареты* с узкими окнами. Эта конструктивная особенность мечети Бейбарса имеет чрезвычайно важное значение, поскольку объясняет отсутствие *мина-*